

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.2

Д.В. Поздняков, Н.В. Полосьмак

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск. 630090, Россия*

E-mail: bronz@nus.nsc.ru

ВСАДНИКИ, НАТЯГИВАЮЩИЕ ЛУК (к вопросу о пазырыкских горитах)

Введение

Пазырыкцы относились к тем многочисленным древним народам, для которых лук и стрелы были одним из главных предметов вооружения и орудием охоты. Про таких, как они, “варваров” Овидий писал: “Мужество им дают тетива и стрелы в колчане” [1982, с. 90]. Это утверждение не противоречит тому факту, что деревянные детали сложносоставных луков, древки и наконечники стрел – не столь частая находка в пазырыкских погребениях, даже “замерзших” и неразграбленных. Например, остатки луков были обнаружены лишь в семи погребениях 42 курганов Уландрыка и в шести погребениях 44 курганов Юстыда (Кош-Агачский р-он, Республика Алтай) [Кубарев, 1992, с. 69]. Нетрудно заметить, что соотношение вооруженных мужчин к общей численности захороненных в этих могильниках было равно примерно 1:5, т.е. один воин на пять душ населения, “как это было у сунну и подтверждается на примере многих кочевых и полукочевых народов, упоминаемых в китайских источниках” [Таскин, 1989, с. 17 – 18].

Остатки деревянных сложносоставных луков, обнаруженных в погребениях, фрагментарны, поэтому пока не представляется возможным восстановить детально конструкцию всего изделия. Вероятность того, что в погребения клали настоящее боевое оружие достаточно мала, с умершими пазырыкцами могли помещать либо копию лука, либо пришедшее в негодность сломанное изделие. О том, как носили и в чем хранили луки пазырыкцы, можно судить по единственному достоверному изображению на известном войлочном ковре местного, алтайского, производства из Пятого Пазырыкского кургана: у всадника, представшего перед богиней, на левом боку висит зачех-

ленный “глухой” горит – футляр, соединяющий в одном предмете колчан и налучье (рис. 1, 3). Обсуждение того, насколько это изображение отражает реалии культуры, стало возможным после последних находок в погребениях Укока.

Реконструкция пазырыкского горита

Находки из “замерзших” могил Укока позволяют восстановить вид пазырыкского горита. В непо потревоженных погребениях мужчин в курганах 1 и 3 могильника Верх-Кальджин II [Молодин, 1995, с. 87 – 89; Molodin, 1996, р. 36 – 42] были обнаружены обычные пазырыкские наборы предметов вооружения, включавшие, в частности, деревянные детали составных луков, которые лежали вдоль костей левой ноги погребенных; костяные наконечники стрел с древками; окрашенные в красный цвет деревянные пластины жесткости. Помимо этих предметов, во льду сохранились войлочные детали, которые, на наш взгляд, являются фрагментами горита. В обоих погребениях в районе левого плеча мужчин были обнаружены своеобразно скроенные войлочные “колпаки”. В кург. 3, где находилась мумия, было зафиксировано также целое войлочное налучье длиной 75 см с вшитым клапаном, повторявшее по форме абрис асимметричного “скифского” лука (рис. 2). Сверху лежали стрелы. Очевидно, их хранили в специально пришитом кожаном кармане [Горелик, 1998, с. 377]. Такой вывод можно сделать, изучив положение остатков кожаной части дна горита в Первом Туэктинском кургане [Руденко, 1960, с. 123, табл. LIX].

Найденные в погребениях хорошо сохранившиеся войлочные “колпаки” изготовлены из двух деталей красного и желтоватого цвета, зауженных сверху и в

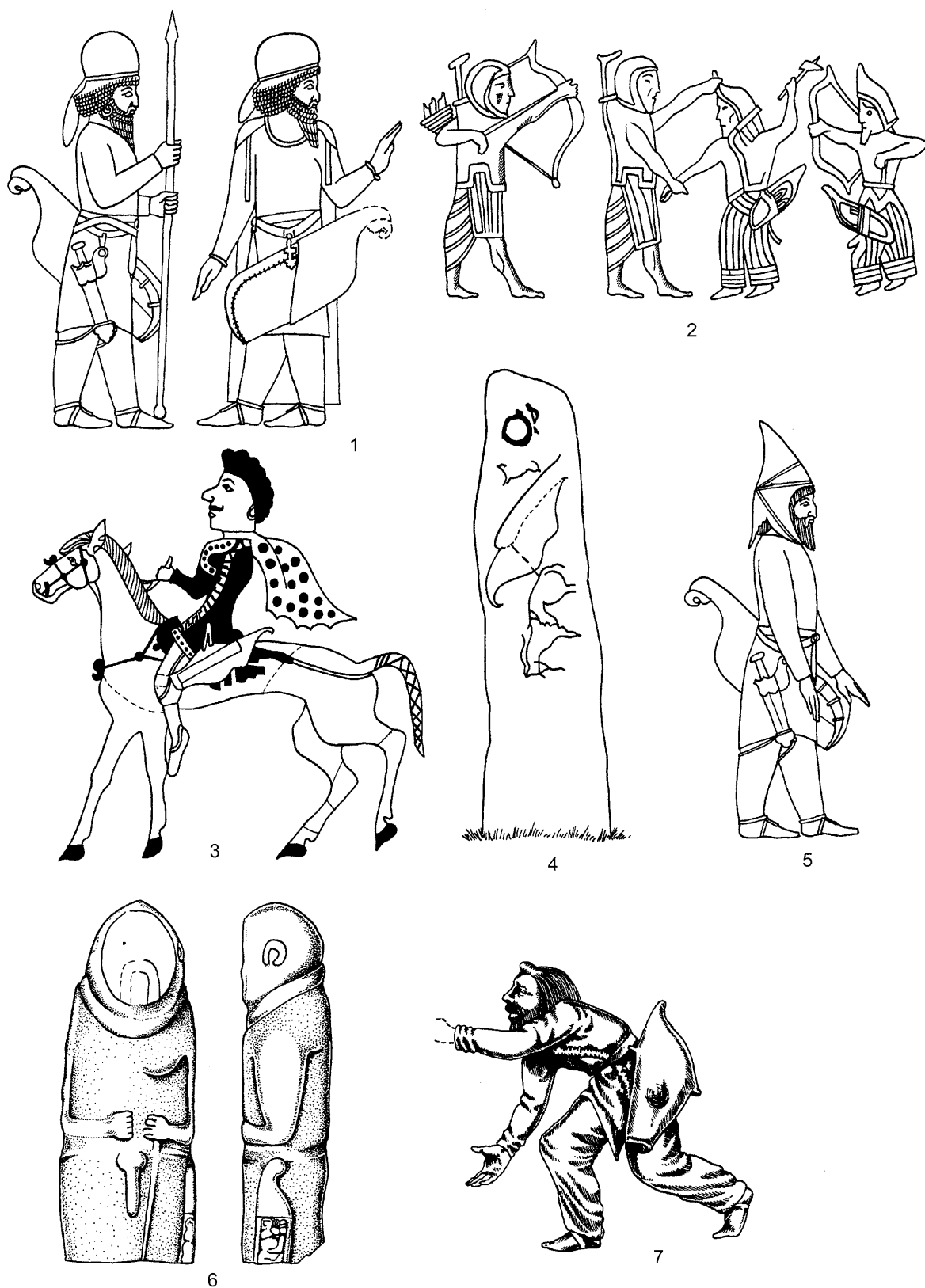

Рис. 1. Изображения персидских (1) и сакского (5) воинов на персепольских барельефах; изображение на персидском цилиндре-печати (2); аппликация на ковре из Пятого Пазырыкского кургана (3); Чуйский оленный камень (4); скифское изваяние (Маныч, по В.С. Ольховскому) (6); изображение скифа на Чертомлыкской вазе (7).

этой части не сшитых. Украшением этих “колпаков” служили кисти из плетеных шерстяных шнурков, оформленных на концах в одном случае шариками из непряженой шерсти, перетянутыми посередине ниткой, в другом – кисточками. На одном “колпаке” кисть составляли три красные и три желтые подвески. На месте крепления кисти к “колпаку” была пришита небольшая прядь русых волос, обмотанная у основания шерстяной ниткой (рис. 3). На другом “колпаке” было две кисти: гроздь из шести шнурков с кисточками оформлена зауженная верхушка, связкой из четырех подвесок – нижний край.

Благодаря этим находкам стало ясно, что войлочные двухцветные детали с аппликацией и шерстяными шнурками-подвесками (7 шт.), обнаруженные у левого плеча мужчины в погребении кург. 1 могильника Ак-Алаха-1, принадлежат такому же, но более нарядному по исполнению “колпаку”. Вместе с ним *in situ* внутри колоды были найдены пластина жесткости, деревянные детали лука, пять костяных наконечников и древки стрел [Полосьмак, 1994, с. 28–32, рис. 19, 20; с. 39, рис. 33]. В погр. 2 того же кургана у левого плеча девушки-воина обнаружены гроздь из семи шнурков, пластина жесткости с вырезанной сценой терзания, семь костяных наконечников стрел, а также детали лука и древки стрел [Там же]. Напомним, что абсолютно идентичная ак-алахинским кисть из шерстяных шнурков-подвесок обнаружена в погребальной камере Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 56]. Шнурок с помпоном на конце известен среди инвентаря в колоде в разграбленном погребении мужчины в кургане Кутургунтас [Там же, рис. 102]. Имеются все основания полагать, что в этих захоронениях находились такие же “колпаки”, как и в погребальных камерах памятника Верх-Кальджин II. Их могли использовать как нарядные съемные чехлы для верхней части луков и для прикрытия концов стрел. Иными словами, войлочные “колпаки” – это верхние части горитов, благодаря которым футляры (гориты) становились “глухими”.

Вывод о таком назначении “колпаков” подкрепляется данными об их расположении в погребениях, приведенными выше, а также сведениями о наличии внутри одного из “колпаков” деревянной детали составного лука с выступом для крепления тетивы и продолговатым желобком на внешней стороне (рис. 4, 2). Вторая такая же, но роговая деталь была обнаружена в нижней части войлочного налучья (рис. 4, 1) (аналоги этим фрагментам лука найдены в погр. 7 кург. 2 могильника Венгерово-7 (Бараба, Новосибирская обл.) первых веков до нашей эры [Полосьмак, 1987, с. 74, рис. 73, 2], в Сырском чаатасе (Минусинская котловина) I – II вв. н.э. [Кызласов, 1960, с. 126 – 127]). Войлочные детали колпака скроены так, что по форме они соответствуют верхней трети асимметричного лука, но никак не голове человека

Рис. 2. Войлочное налучье из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

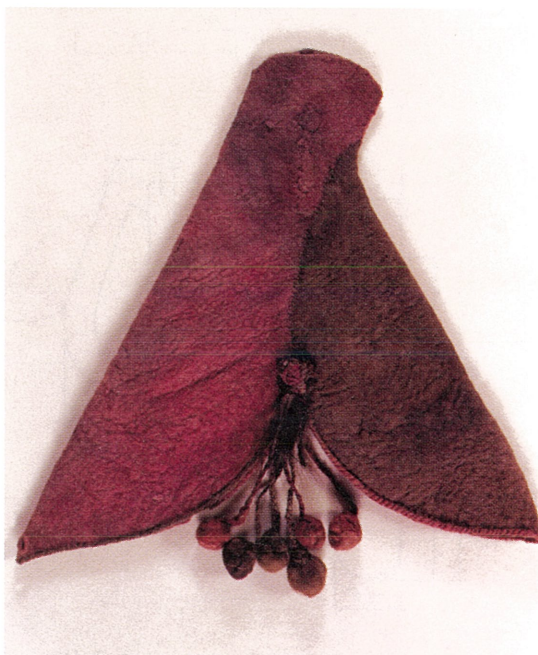

Рис. 3. “Колпак” из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

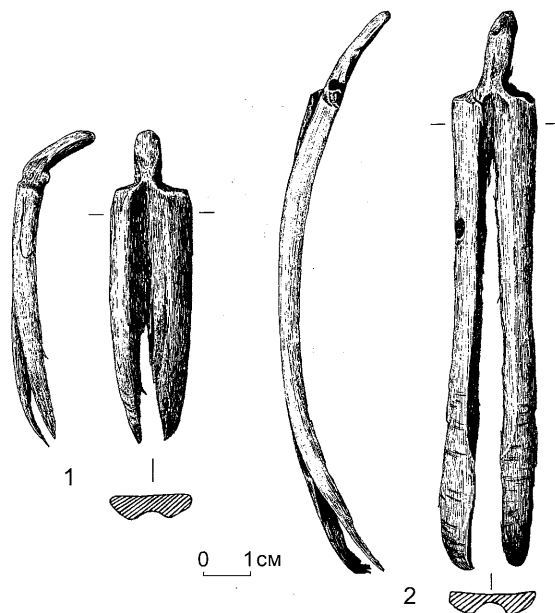

Рис. 4. Детали лука из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.
1 – рог, 2 – дерево.

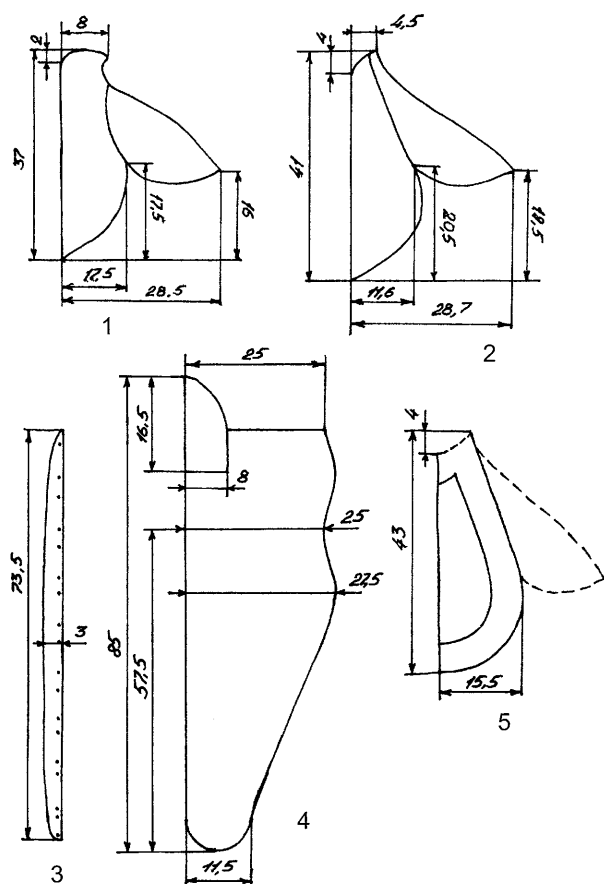

Рис. 5. Схемы раскроя “колпаков” (1, 2, 5),
пластин жесткости (3) и налучья (4),
использованные для реконструкции горитов.

(хотя при желании “колпак” мог натягиваться на макушку). Из верхнего отверстия высывалась часть лука с выступом для крепления тетивы.

На основании вышеописанных находок из погребений Укока сделаны графические реконструкции трех пазырыкских горитов. При их создании были учтены размеры и пропорции всех имеющихся в наличии деталей. За образец взят целиком сохранившийся деревянный лук скифского типа из Yafu (Турфан) [Cen Yunfei, 1992, p. 46, fig. 65], асимметричный, с сильно выгнутыми “рогами” (соотношение “рогов”, как 1:1,2, длина лука 86,2 см). Судя по всем имеющимся изображениям, лук в налучье располагался длинной частью вниз, т.е. внутри налучья находилась большая часть лука. Длина сохранившегося в кург. 3 могильника Верх-Кальджин II войлочного налучья составляла (без учета длины вшитого клапана) 75 см (рис. 5), нижней части налучья (до изгиба) – 57,5 см. Таким образом, исходя из пропорций лука-образца, длина реконструируемого изделия из погребения в кург. 3 могильника Верх-Кальджин II должна равняться 110,6 см. Длина деревянной пластины жесткости, найденной в этом погребении, составляет 73,5 см (рис. 6). При длине пластины жесткости в 67 см (как у находки из кург. 1 могильника Верх-Кальджин II) в длину налучье должно достигать 68 – 69 см, а лук – 92,1 см (рис. 7). В кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 при длине пластины жесткости 63,5 см длина налучья должна быть 67 – 66 см, а лука – 90 см (рис. 8). Пластина жесткости горита из женского погребения в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 является одним из замечательных образцов пазырыкского искусства. На ней изображена сцена “терзания” барсами агрессивно настроенных и совсем не похожих на жертву кабанов (рис. 9). Украшенная резьбой деревянная пластина жесткости, подобная пазырыкским, была найдена в Синьцзяне, в Yanghai (Shanshan) [Cen Yunfei, 1992, p. 43, fig. 59]. Это позволяет предполагать сходство в устройстве пазырыкских и восточно-туркестанских горитов. Подобие прослеживается по найденным в могильнике Субаши (Shanshan) четырем кожаным горитам, состоящим из налучья с деревянными пластинами жесткости и пришитых к нему узких карманов – колчанов, в которых находилось от двух до шести стрел [Ван Бинхуа, 1993, с. 16; Го Цзяньго, 1994, с. 17]. Малое количество стрел является одной из характерных особенностей и пазырыкских колчанов.

Значение и символизм “глухих” горитов

Верхний войлочный чехол пазырыкского горита, напоминающий головной убор, мог условно обозначать голову (например, в похожих колпаках на ханьских барельефах изображались сюнну), поскольку во

многих древних, средневековых и традиционных культурах шапка была символом и заменителем человека, а ее потеря считалась недопустимой. Так, на Руси снять с мужика всенародно шапку значило обесчестить его, а слово “опростоволосить” имело смысл “опозорить, осрамить” [Даль, 1995, с. 684]. На персидском цилиндре запечатлена драматическая сцена боя: персидский воин ухватился рукой за шапку сака, который, защищаясь, замахивается на него чеканом (см. рис. 1, 2). Шлемы скандинавских воинов эпохи Вендель вдоль гребня украшались изображением стилизованного зверя-вепря, родоначальника и покровителя рода, тотема. “Воин, побеждающий врага, в эпосе прежде всего уничтожает его покровителя, совершая ритуальное действие” [Хлевов, Тодоров, 1996, с. 30 – 31]. Они “скакали в сечах, прикрыв друг друга, рубили вепрей на вражьих шлемах” (строфа 1326 из “Беовульфа”, цит. по [Там же]). В нартском эпосе богатырь кладет срубленную голову врага в башлык, в котором и везет ее домой [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 158].

Одно из древнейших изображений “глухого” горита мы находим у ассирийцев на бронзовых рельефах ворот Салманассара (860 – 849 лет до н.э.). Здесь показаны шествующие воины с горитами за левым плечом [Champdor, 1964, р. 152 – 154]. Традицию зачехлять гориты перед богами и царями продолжали мидийцы и персы, чьи фигуры с “глухими” горитами на левом боку запечатлены на персепольских рельефах (см. рис. 1, 1, 5). На этих изображениях хорошо видно, что гориты становились “глухими”, когда на них сверху надевался чехол, по пропорциям и форме близкий к описанным выше пазырыкским.

Одно из интереснейших изображений “глухого” горита есть на скифском маньчском изваянии, датированном концом VII – третьей четвертью VI в. до н.э. [Ольховский, 1999, с. 241]. Здесь показан подвешенный слева к поясу небольшой лук в прямоугольном налучье, которое украшено рельефным изображением припавшей к земле (приготовившейся к прыжку) пантеры [Там же] (см. рис. 1, 6), напоминающей барсов на пластине жесткости налучья из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1. Серия подобных скифских изваяний с “глухими” горитами, которые датируются VII – VI вв. до н.э., найдена в пределах степей Северного Причерноморья, Подонья, Прикубанья, Ставропольского плато [Петренко, 1986, с. 175; Соломатина, 1995, с. 104, рис. 1, а], а также в Восточной Грузии [Дашевская, Лордкипанидзе, 1995, с. 99 – 101]. Вероятно, “глухой” горит показан на Чуйском оленем камне (см. рис. 1, 4). Его изображение есть и в скифской торевтике, например, с ним запечатлен скиф на Чертомлыкской вазе (см. рис. 1, 7).

“Глухие” гориты редко встречаются на древних изображениях. Это и понятно – обстоятельства жизни были таковы, что оружие всегда должно было быть в

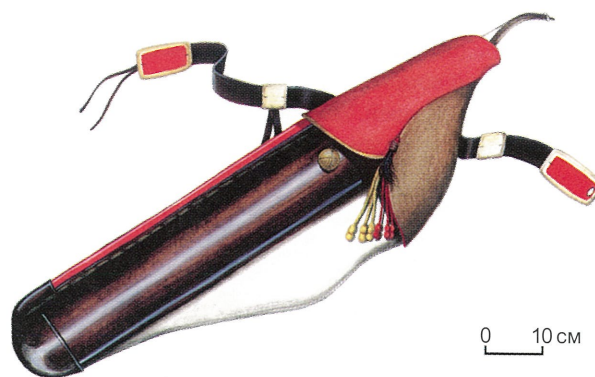

Рис. 6. Реконструкция “глухого” горита из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

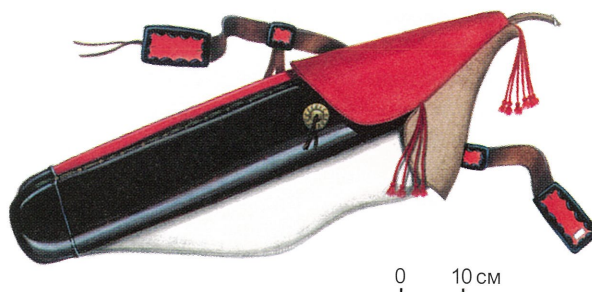

Рис. 7. Реконструкция “глухого” горита из кург. 1 могильника Верх-Кальджин II.

Рис. 8. Реконструкция “глухого” горита из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1.

Рис. 9. Деревянная пластина жесткости из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-1.

босовой готовности. Беря во внимание иконографию, можно предположить, что символическое значение изображений воинов с “глухими” горитами связано с миром богов и царей. Полагают, что у скифов и саков лук являлся символом Верхнего мира и может указывать на то, что туда же, в обитель богов, перешел умерший, запечатленный рядом с ним [Савостина, 1983, с. 54 – 55]. Поэтому изображение воина с зачехленным горитом может быть свидетельством того, что он находится не в земном, а в Верхнем мире богов или предстал пред своим царем, что в общем-то очень близко по значению, только в первом случае (на скифских каменных изваяниях и оленном камне) это изображения уже умерших, а во втором (на персепольских барельефах) – живых. Судя по находкам в погребениях Алтая, пазырыкские воины отправлялись в Верхний мир на “небесные” пастбища с зачехленными горитами.

Зачехленные гориты использовались для сохранения лука и стрел от сырости и трения. Например, по сведениям П. фон Винклера о старинном русском оружии, “на походе, когда не было опасности, на весь колчан надевался сверху кожаный или иной чехол с круглым верхом. Чехол этот назывался тохтуй” [1992, с. 293].

Выводы

Так называемые войлочные колпаки из “замерзших” могил Укока представляют собой нарядные съемные чехлы погребальных и парадных “глухих” горитов. Традиция носить зачехленные гориты по изобразительным источникам известна у ассирийцев, мидийцев, персов, скифов и саков. Эта традиция одна из многих, связывающих население Горного Алтая скифского времени с иранским миром.

Список литературы

- Винклер П. фон.** Оружие. – М.: Издат.-коммерч. фирма “Софт-Мастер”, 1992. – 328 с.
- Горелик М.В.** Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1995. – С. 359 – 430.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра, 1995. – Т. 2. – С. 684.
- Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А.** Скифское изваяние из Восточной Грузии // Историко-археологический

альманах. – М.; Армавир: Армавир. краевед. музей, 1995. – Вып. 1. – С. 99 – 101.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 141 с.

Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М.: Наследие, 1998. – 312 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Наука, 1960. – 197 с.

Молодин В.И. Укок-1995 – новые находки и открытия // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 87 – 89.

Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. – М.: Наука, 1982. – 257 с.

Ольховский В.С. Скифские изваяния северо-восточного Приазовья // Евразийские древности. – 1994. – № 2. – С. 237 – 249.

Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. – М.: Наука, 1986. – С. 158 – 177.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.

Полосьмак Н.В. “Стереющие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 122 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 351 с.

Савостина Е.А. К символике изображений лука на Босфоре // СА. – 1983. – № 4. – С. 45 – 56.

Соломатина Н.В. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах. – М.; Армавир: Армавир. краевед. музей, 1995. – Вып. 1. – С. 102 – 109.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III – V вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1: Сюнну. – 287 с.

Хлезов А.А., Тодорова С.М. Бестиарий эпохи Вендель, искусство и реальность // Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы научн. конф. – СПб.: Изд-во Мин-ва культуры Рос. Федерации, Рос. этногр. музей, 1996. – С. 30 – 31.

Ван Бинхуа. Субэийские находки // Китай. – 1993. – № 3. – С. 15 – 17.

Го Цзяньго. Могильник Субаши 3 в уезде Шаньшань // Синьцзян Вэнью. – 1994. – № 2. – С. 1 – 20, 38 (на кит. яз.).

Chamdor A. Kunst Mesopotamiens. – Leipzig: Buch- und Kunstverlag, 1964. – 46 S.

Molodin V. Un Kourgane gelé d’époque scythe // Dossiers d’archéologie. – Dijon, 1996. – № 212: Tombes gelées de Sibérie. – P. 36 – 42.

Yunfei Cen. Turfan Museum. – China: Xinjiang Fine Arts and Photo Publishing House, 1992. – 125 p.

Материал поступил в редколлегию 24.04.1999 г.